

Философия истории и ее проблемное поле: в поисках единства

© В.А. Нехамкин, Г.В. Черногорцева

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрена философия истории (историософия) как важный раздел философии. Очерчен круг ее проблем, сформировавшийся за длительный период. Дана характеристика каждой из проблем историософии и продемонстрированы их отличия. Обоснован тезис, согласно которому проблемы, зафиксированные в философии истории, обладают определенным единством. Выделены и рассмотрены горизонтальный и вертикальный уровни проблем философии истории. На первом уровне имеет место взаимное влияние проблем друг на друга. На втором выстраивается иерархия проблем историософии, проявляющаяся в каждом конкретном исследовании. Показано, что исходным для создания концепции в философии истории выступает вопрос о движущих силах исторического процесса. Выбрав один из субъектов истории в качестве главного, мыслитель затем создает на данной основе специфическую систему взглядов. Остальные историософские проблемы здесь выступают в качестве подчиненных по отношению к указанному вопросу.

Ключевые слова: философия истории, историософия, проблемы философии истории, единство проблем историософии

Философия истории (историософия) — раздел философии, в котором с теоретических позиций происходит анализ исторического процесса. Он существует наряду с иными областями философского знания. Наиболее близка философия истории к социальной философии, исследующей общество на теоретическом уровне, и антропологии, так как историософия изучает человека в рамках одной проблемы (роли личности в истории) [1]. Однако философия истории также взаимодействует с иными разделами философии: этикой, гносеологией, философией политики, философией науки и т. д.

Философия истории испытывает на себе влияние не только собственно философского знания, но и других гуманитарных дисциплин: социологии, психологии, филологии и т. д. Особенно сложные отношения у историософии складываются с исторической наукой. С одной стороны, история дает философии истории эмпирический материал для теоретических обобщений, с другой — некоторые историки абсолютизируют данное «привилегированное» положение своей науки, обвиняя философию истории в изучении надуманных псевдопроблем. Кроме того, ряд вопросов в силу особенностей предмета традиционной исторической науки (рассмотрение прошлого как

«константной данности» [2, с. 35]) историки не могут, не имеют права корректно изучать в рамках подобной дисциплины. Поэтому данная проблема (например, поиск альтернатив, реконструкция потенциальных вариантов минувшего) переносится в философию истории, где запретов на «изменение прошлого» в познавательных целях нет.

Стоит отметить еще одну особенность философии истории. Формально она существует с 1768 г., когда термин «философия истории» в названии предисловия к своей работе употребил Вольтер. После этого в XVIII–XIX вв. крупные мыслители (И.Г. Гердер, Г.В.Ф. Гегель и др.) начинают писать трактаты, посвященные философии истории. Активно разрабатывают эту тематику и в России (Н.И. Кареев, В.М. Хвостов и др.). На самом деле использование Вольтером термина «философия истории» означало лишь то, что на строящийся длительный период «дом» была наконец поставлена своеобразная понятийная «крыша». Проблемы, которые составили теоретический каркас философии истории и отличали ее от смежных дисциплин (включая историческую науку), начали формироваться как минимум с Античности.

Например, один из основателей истории как науки афинянин Фукидид поднимал вопросы о различении внешних (декларируемых сторонами конфликта) и внутренних (глубинных) причин Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.), проверке поступающих историку сведений, возможности циклического повторения исторических событий «по свойству человеческой природы в том же или сходном виде» [3, с. 14]. В Древнем Риме наиболее известную циклическую модель исторической динамики создал Полибий.

Блаженный Августин в трактате «О Граде Божьем» (V в.) пусть с теологических позиций, но ставил проблемы движущих сил истории (борьба Бога и «темных» сил), универсальной периодизации исторического процесса (деление прошлого на этапы, идущие от сотворения мира Богом к Страшному суду), смысла (направленности) истории (движущейся к Страшному суду), доминирующего типа исторической динамики (линейного) и т. д.

В настоящее время многообразие работ по философии истории позволяет соединять их в специальные сборники — антологии [4].

Подобные факты свидетельствуют о том, что шел постепенный процесс накопления вопросов, которые позже составили проблемное поле философии истории. В XVIII–XIX вв. подобная «пружина» только распрямилась, породив многочисленные работы, касающиеся историософии.

Позиции относительно проблемного поля философии истории. До сих пор нет единого перечня проблем, относящихся к философии истории. Каждый автор предлагает свой вариант приоритетных задач. Главным для ряда мыслителей (от В. Герье до Н.И. Кареева)

выступало «искание смысла исторического процесса» [5, с. 267]. В.М. Хвостов считал, что проблемы философии истории преимущественно гносеологические, «о пределах эмпирического познания в истории, о средствах и приемах исторического исследования» [6, с. 8]. Начиная с И.Г. Гердера философское осмысление прошлого человечества предполагает рассмотрение истории как природно-социального процесса. Соответственно, при таком подходе в историософии центральная проблема — соотнесение факторов естественной среды, исторической среды (условия жизни людей) и личности [7, с. 79]. В последнем случае на сцену выходит знаменитая и активно обсуждаемая учеными, философами (Г. Спенсер и др.) и писателями (Л.Н. Толстой и др.) XVIII — начала XX в. проблема роли личности в истории [8].

Современные исследователи углубляют имеющиеся позиции относительно проблем философии истории, а также добавляют к ним новые. Н.С. Розов сводит их к следующим:

- 1) что вызывает изменения в истории;
- 2) на какие части (во времени и пространстве) делится история;
- 3) в каком направлении, как и почему движется история;
- 4) в чем состоит смысл истории;
- 5) каковы наши (человечества — *примеч. авт.*) место, роль и назначение в истории? [9, с. 8–9].

А.С. Панарин полагает, что «философия истории отвечает на вопрос об объективных закономерностях и духовно-нравственном смысле исторического процесса, о путях реализации человеческих сущностных сил в истории, о возможностях обретения общечеловеческого единства» [10, с. 8]. Получается, что философия истории занимается проблемами поиска законов истории, ее смысла (в духовном плане), роли в ней человека (личности), перспектив создания на земле единого государственного образования. Кроме того, Панарин выделял еще одну проблему историософии, суть которой — «открывать исторические альтернативы» [10, с. 9]. Для марксистски ориентированных мыслителей философия истории исследует «имманентную логику развития... общества, единство и многообразие исторического процесса, проблемы социального детерминизма и социального прогресса» [5, с. 16]. Показательно, что при таком подходе историософские вопросы оказываются как онтологического, так и гносеологического характера.

Авторская трактовка проблемного поля историософии. К изучаемым в философии истории проблемам, по мнению авторов статьи, целесообразно отнести следующие:

- 1) смысл (цель, направленность) исторического процесса;
- 2) доказательство существования (отсутствия) законов истории;
- 3) установление движущих сил исторического развития;

- 4) поиск доминирующей формы исторической динамики;
- 5) роль личности в истории;
- 6) создание универсальной периодизации исторического процесса [7];
- 7) анализ существовавших в истории альтернатив реализовавшемуся на практике ходу вещей (контрфактическое моделирование прошлого).

На первый взгляд может показаться, что между указанными проблемами нет никакого единства. Они автаркичны, никак не связаны между собой. Но это неверно. Далее кратко охарактеризуем авторское понимание сущности каждой проблемы, после чего выявим точки их соприкосновения.

Вопрос о смысле и направленности исторического процесса — центральный для философии истории. «Куда движется история?» — тема исследований для формирующейся историософии, которую начали изучать в Античности и продолжили в Средневековье и Новое время. Как правило, она сводится к поиску конечного идеального состояния общества. Одни мыслители (Блаженный Августин, И. Флорский, Фома Аквинский, Ж. Боссюэ, Н.А. Бердяев) видели завершение исторического процесса в переходе человечества к Царству Божьему, от Града Земного (греховного) к Граду Божьему (состоящему из праведных людей). Другие искали идеал общественной жизни в непосредственной социальной практике: некоторые (Конфуций, Гесиод) в прошлом, где якобы существовал золотой век, иные — в настоящем, где достигнуто идеальное социальное состояние. Отличались лишь страны и типы общества, которые достигли данного состояния: у Ж.А. Кондорсе — республиканская Франция после революции 1789 г., у Гегеля — современная ему монархическая Пруссия начала XIX в., у К. Поппера — «открытые» (демократические) общества Запада конца XX в., базирующиеся на демократии, рыночной экономике и т. д. Наконец, в будущем мечтали увидеть «идеальное государство» Платон и мыслители-утописты (Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон и др.), коммунистическую общественную формацию — К. Маркс и Ф. Энгельс. Перенос общественного идеала в грядущее — важная черта не только собственно историософской, но и социально-философской мысли. Ибо оно, будучи еще не осуществленным, избегает критики за несоответствие теории и ее практического воплощения. Тем самым проблема смысла истории, решаемая через призму поиска социального идеала, порождает в философии истории частный вопрос, касающийся ее завершения: *о конце истории*.

Следует отметить еще одну проблему философии истории: признание наличия или отсутствия в историческом процессе законов. Причем, согласно классическому определению, закон — «устойчивая,

повторяющаяся связь явлений и вещей» [11, с. 83]. В итоге вариантов решения проблемы сформировалось несколько.

Первая позиция: законы истории существуют. Под влиянием классической науки и механики И. Ньютона, признанной своеобразным идеалом познания, мыслители и ученые XVIII–XIX вв. активно искали и находили законы исторического развития. Более того, созданная родоначальником позитивизма О. Контом социология была нацелена на решение данной задачи. Примечательно, что не история, а именно эта наука была призвана открыть законы общественной жизни. Познавательная модель, порожденная подобной установкой, мыслилась последователем Конта Л. Гумпловичем следующим образом: «Социология, наблюдая исторический процесс, должна вывести из него социальные законы, т. е. законы развития политической жизни. Если эти законы познаны правильно, они должны проявиться в настоящем и будущем каждого политического развития... В таком случае на место шатких политических комбинаций и вероятностей выступает трезвый, покоящийся на позитивном социальном знании политический расчет и предвидение будущего» [12, с. 123].

Однако открытые на базе социологии законы должны были относиться и к историческому процессу, а значит, изучаться философией истории. В рамках данной проблемы работали многие специалисты не только XIX в. (включая марксистов), но и начала XX в. Так, В. Вундт полагал, что «нельзя и думать о принципиальном разделении между социальными и историческими законами» [4, с. 144]. Он выделял три таких закона: социальных равнодействующих, социальных отношений, социальных контрастов [4, с. 146, 147]. Для К. Брейзинга существовали уже чистые законы мировой истории, которых, по его мнению, было 24 [4, с. 150–153].

В философии истории также есть и другое решение проблемы существования законов. В историческом процессе нет законов, и искать их бесполезно. Аргументы в пользу подобной позиции приводились различные. Во-первых, тезис о принципиальной случайности естественно совершающегося исторического процесса, перед которой бессильны даже римские боги (появившийся как минимум во времена Цицерона [13, с. 248]). Наоборот, христианские теологические версии истории чаще всего отмечали ее подверженность Провидению, определенным божественным законам. Во-вторых, утверждение В. Виндельбанда и Г. Риккерта об исключительной уникальности изучаемых историей объектов (например, второй такой человек, как Наполеон Бонапарт, никогда больше не появится), а потому они не могут повторяться в точности. В-третьих, констатация того, что исторические события имеют множество причин и определить среди них главную не представляется возможным (о чем рассуждал еще Л.Н. Толстой в романе «Война и мир»). В-четвертых, история изучает

действия людей, обладающих сознанием, а потому не подчиненных общей логике каких-либо законов. Данные аргументы обобщил К.Р. Поппер в работе «Нищета историцизма». Он назвал законы истории фикцией, а «веру» в них — предрассудком, имеющим мало общего с наукой, но погубившим много людей (совершавших для реализации закона определенные практические действия). Значит, категория исторического закона не только ложна, но и антигуманна.

Срединную позицию между указанными крайностями занимает К. Гемпель. Он отмечает наличие в историческом процессе охватывающих законов, или закономерностей. Так, римский диктатор Гай Юлий Цезарь, получивший в ходе покушения в марте 44 г. до н. э. более 20 ножевых ранений, с высокой вероятностью был обречен на смерть. Но данное конкретное тело Цезаря могло оказаться крепче указанной закономерности, потому она не носит характер закона («человек, получивший более 20 ножевых ран, должен умереть»). Значит, охватывающий закон признает не только повторяемость, но и уникальность сопутствующих его реализации условий. «Срединная» позиция Гемпеля относительно исторических законов созвучна мнению М. Блока: «Причины в истории... нельзя постулировать. Их надо искать...» [2, с. 112]. Если в естествознании, как правило, найденные единожды условия реализации закона всегда воспроизводятся, то в историческом процессе при исследовании конкретных объектов их приходится заново «находить».

Следующая по важности, с точки зрения авторов, проблема историософии — установление движущих сил исторического развития. Как за работу автомобиля отвечает двигатель, так и в историческом процессе мыслители пытались найти «мотор» (главный фактор) общественных образований. На роль подобного параметра в разное время в философии истории претендовали: Бог (периодический вмешивающийся по своему усмотрению в ход исторического процесса через механизм Провидения), исторические личности (Александр Македонский, Цезарь, Наполеон I и др.), географическая среда (породившая направление «географический детерминизм» в философии истории XVIII–XIX вв.), Разум, материальное производство (марксизм), масса/толпа (Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет, С. Московичи, В.И. Ленин и др.), техника (Л. Мэмфорд). Отдельный мыслитель или их группа брали какой-либо из перечисленных факторов за основу и осуществляли из указанного первоначала реконструкцию исторического процесса с историософских позиций. Наиболее полную монистическую версию в подобном ключе построили Маркс и Энгельс в материалистическом понимании истории, Гегель — в идеалистическом (хотя у него был предшественник Кондорсе с работой «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»). С опорой

на движущую силу в рамках данных подходов решались и иные проблемы: например, роли личности в истории.

Возникал вопрос: как данный «мотор» работает? Отсюда следует отметить и такую проблему философии истории, как поиск доминирующей формы исторической динамики. Некоторые специалисты полагают, что каждая из них обуславливает особую «концептуальную модель истории» [14]. Их насчитывают несколько: линейная, циклическая, спиралевидная, ризомная, коэволюционная и т. д. В философии истории при создании теорий доминируют три типа динамики: линейная, циклическая, спиралевидная, сопровождающаяся иногда их синтезом (точнее симбиозом). Так, в классическом марксизме есть и линейная схема смены общественно-исторических формаций (от первобытнообщинной к коммунистической), и циклические фазы формирования, становления, гибели в развитии каждой формации, и спиралевидное воспроизводство ряда параметров низшей первобытнообщинной формации в «высшей» коммунистической. Есть и концепции, ратующие за полностью циклическую общественную динамику (Полибий, Дж. Вико и др.). Некоторые исследователи (О. Шпенглер и др.) отрицают линейность истории, сводят ее к изолированному становлению по циклическому принципу «рождение — жизнь — гибель» замкнутых культур. Конечно, в XX в. сторонников линейно-прогрессивистской теории исторической динамики стало меньше по сравнению с предшествующим столетием и тем более с XVIII в., но они остались. Таким образом, и чистых вариантов исторической динамики (линейная, циклическая, спиралевидная), и форм их симбиоза выработано в философии истории за время ее становления довольно много.

Важная проблема философии истории связана с учетом степени влияния отдельного персонализированного субъекта. Это проблема роли личности в истории, которая, как и сама историософия, начала формироваться в Античности, но особенно сильное развитие получила в XVIII — начале XX в. Поскольку один из авторов статьи посвятил эволюции вопроса о роли личности в истории отдельное исследование [15], целесообразно кратко изложить его итоги, раскрывающие суть данной проблемы. Относительно степени воздействия того или иного конкретного персонажа на ход истории сформировались следующие диаметрально противоположные позиции. Согласно позиции субъективизма (или волюнтаризма), великий человек (правитель, деятель культуры, духовный авторитет) формирует общество в прошлом по своему усмотрению. Масса, толпа слушается его почти безропотно как высший авторитет. Такая личность — источник новаторства в жизни социума. Суть подобных воззрений точно выразил Т. Карлейль: *«Все содеянное в этом мире»* (курсив авт. — В.Н., Г.Ч.),

представляет материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям. История последних составляет... душу всей мировой истории» [16, с. 6]. Близкую позицию по решению данной проблемы занимали П.А. Гольбах, Ф. Ницше, а в России — П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский. Для многих волюнтаристов иллюстрацией к их теоретическим рассуждениям служила деятельность французского императора Наполеона Бонапарта, который, будучи отстраненным от власти в 1814 г. коалицией держав, вернулся к правлению год спустя.

Противоположная субъективизму позиция по вопросу о роли личности в истории — объективизм. Здесь великий человек играет роль безвольной «марионетки» истории, зависимой от ее иных движущих сил. Его личное отношение к такому положению дел существенной роли не играет. Более того, место одного человека без ущерба для конечного результата, определяемого доминирующим фактором, может занять другой. Ведь, например, в 1799 г. военным диктатором Франции могли стать иные генералы, а не Бонапарт. Единственное отличие между объективистами состояло в их суждении о том, от какого фактора зависит деятельность великой личности. От экономики (Энгельс, Д.И. Писарев и др.), Мирового Духа (Гегель), воли народных масс (Л.Н. Толстой) и т. д.

В настоящее время в историософии как субъективизм (волюнтаризм), так и объективизм подвергнуты всесторонней критике. Причем в позднем СССР — России 1990-х годов отказ от объективизма в вопросе о роли личности в истории диктовался и политически мотивированным отходом части обществоведов от марксизма-ленинизма как господствующей идеологии. Поэтому часто с устаревшими положениями из рассмотрения исключали сильные стороны данного подхода. Очевидно, что необходим поиск сбалансированного решения проблемы роли личности в истории, избегающего крайности объективизма и субъективизма. Такие попытки делались в модели объяснения исторической динамики «вызов — ответ» А. Тойнби и его последователей, синергетике (через модель «точки бифуркации») и т. д.

К проблемам философии истории относят вопрос об универсальной периодизации исторического процесса, т. е. делении прошлого на отдельные отрезки. Конечно, им занимаются и историки. Однако в данной науке выделение в прошлом различных периодов носит конкретный характер и тесно связано с изучаемым эмпирическим материалом. Так, известная со школы периодизация Античность — Средние века — Новое время (на которой базируется большинство учебников по истории) отражает определенные фазы прошлого, связанные с эволюцией европейских стран. Иногда историки подразделяют материал на периоды согласно формам государственного

устройства. Например, в России выделяются история Киевской Руси, Московского царства, Российской империи, СССР, РФ. Иногда периодизация осуществляется по конкретным правителям, и тогда появляются книги с названием «История России от Рюрика до Путина» [17].

В философии истории периодизация отталкивается от конкретной теории, принятой ей главной движущей силой. Выделяемые фазы (формации, цивилизации, мир-системы и т. д.) в философии истории достаточно абстрактны, порой игнорируют значительную часть не относящегося к ней прямо эмпирического материала. Концепция, как правило, диктует порядок расположения фаз исторического развития (чаще всего линейный, но бывает и циклический, как у Полибия, Вико), особенности их внутренней динамики (каждая фаза истории возникает, развивается, приходит к упадку и заменяется следующей). Исторические периодизации бывают как монистическими (в формационном подходе особенности каждой фазы определяет уровень экономического развития — способ производства материальной жизни), так и плюралистическими (в цивилизационном подходе основанием для выделения единиц анализа являются различные факторы — религия, география, государственность и т. д. Поэтому в одном ряду цивилизаций у С. Хантингтона можно встретить и «африканскую», и «православную», и «синскую», т. е. «древнекитайскую»). Базовое понятие может быть как четко определено (формационный подход), так и не иметь однозначной, признанной большинством специалистов дефиниции (цивилизационный подход). Критерием выделения исторических фаз в философии истории выступает макросоциология, т. е. обобщающая различные факты прошлого социальная теория. К подобным получившим широкое распространение в историософии и актуальным по сей день подходам к периодизации прошлого относятся формационный, цивилизационный, постиндустриалистский, мир-системный.

В определенной степени «заброшенным» (как сказали бы философы-экзистенциалисты), т. е. вынужденно перемещенным в философию истории в XX в. из исторической науки выступает контрфактическое моделирование прошлого (КФМП). Это поиск ответа на вопрос «что было бы, если ...?» применительно к прошлому в целом или его отдельным периодам. Особенно специфически данная проблема решается в России конца XX — начала XXI в. [18]. КФМП, осуществляемое на научной основе, включает следующие стадии: выделение альтернативы (на базе определенной гипотезы «что было бы, если ...?»), создание на ее основе сценария (описания потенциальной реальности), проверка сценария средствами науки [19]. Интересно, что подобное моделирование прошлого ведут не только историки или философы, но и представители иных гуманитарных наук

(социологи, филологи и др.), а также писатели, политики и т. д. [20]. Поэтому количество недостоверно реконструируемых (субъективных) исторических альтернатив велико. Это обстоятельство отчасти (как и методологические трудности, возникающие с данным подходом в исторической науке) объясняет «ссылку», т. е. намеренное удаление частью научного сообщества КФМП из исторической науки в философию истории. Существует позиция, согласно которой КФМП надо осуществлять в историософии, потому что оно не самостоятельное направление исследований (обладающее специфическим предметом и методологией), а вид социального прогнозирования, обращенный вместо будущего к прошлому, опирающийся на средства познания этой дисциплины [21]. Дискуссии о месте КФМП в системе научного и философского познания продолжаются до сих пор. Некоторые отечественные ученые мечтают видеть в КФМП не самостоятельную сферу исследования, а ориентированную на прошлое область социального прогнозирования [21].

Таковы, по мнению авторов статьи, основные проблемы философии истории.

Основания единства проблем философии истории. Рассмотренные выше проблемы философии истории тесно связаны друг с другом. Вопрос выявления роли личности в истории определяет способы решения иных историософских проблем. «Так, при поиске движущих сил исторического процесса “влиятельный” субъект выступает одной из них; при выявлении законов истории он является важным звеном исторических трансформаций; при определении смысла истории задает (представляет для широких масс, манифестирует собой) парадигму развития социума (например, в XX в. в СССР идеологией являлся марксизм-ленинизм, в КНР — маоизм и т. д.); используется при реконструкции альтернативных вариантов исторического развития (ибо великая личность, наряду с событиями, выступает объектом контрфактического моделирования прошлого). Стоит заметить, что значимый исторический субъект является (помимо макросоциальных формационного, цивилизационного, мир-системного, постиндустриалистского подходов) одним из критериев периодизации прошлого, варианты которого тоже оценивают историософы» [15, с. 25].

Показательно взаимодействие проблем роли личности и движущих сил в истории. Если личность признается самостоятельной и доминирующей силой истории, то она выступает как фактор, подчиняющий иные исторические параметры. В противном случае начинается поиск ее места в данной иерархии факторов, связанный с ее подчинением иному, «главному», параметру (экономике, мировому духу, разуму и т. д.).

На примере проблемы роли личности в истории обозначается внутреннее (горизонтальное) единство базовых вопросов историософии. Каждая из них вбирает («снимает», используя терминологию Гегеля) иные проблемы философии истории, разворачивает их под своим ракурсом.

Проведенный анализ позволяет поставить вопрос об иерархии указанных историософских проблем, т. е. их внешнем (вертикальном) единстве. По мнению авторов статьи, целесообразно считать проблеме движущих сил в истории стержневой для философии истории. Выбрав какой-либо параметр в качестве базового, мыслитель начинает строить собственную систему философии истории. В ней определенным образом задаются смысл исторического процесса, преимущественная форма его динамики (линейная, циклическая, спиралевидная или их симбиоз), решается вопрос о допущении наличия/отсутствия законов истории, происходит макросоциологическая периодизация исторического процесса, иногда проводится контрфактическое моделирование исторического процесса и т. д.

Второй по важности для философии истории целесообразно признать проблему поиска доминирующей формы исторической динамики. На данную роль, как было отмечено ранее, претендуют линейная (линейная), циклическая, коэволюционная и другие модели направленности прошлого. Ответив на вопрос, что движет историей, логично поставить следующий: как она формируется? Здесь обнаружилось различные подходы. История развивается линейно, прогрессистски (от низшего к высшему) или регрессивно (от высшей фазы к низшей), циклически (путем последовательного воспроизводства ряда фаз) или спиралевидно (когда одна фаза воспроизводится в последующей на качественно новом уровне), при параллельном сосуществовании одинаковых по содержанию вариантов. Следует отметить, что концепции, используемые в философии истории, как правило, сочетают несколько моделей исторической динамики. Так, в формационном подходе Маркса, Энгельса, с одной стороны, выделяются линейность, прогрессизм (формации выстроены в один ряд от менее к более развитой), с другой — цикличность развития каждой формации (ибо она появляется, достигает пика могущества, разрушается, т. е. происходит цикл «рождение — существование — гибель»), с третьей — спиралевидность (ибо параметры коммунистической общественной формации — бесклассовость, имущественное равенство, отсутствие частной собственности — на качественно новом экономическом уровне воспроизводят соответствующие характеристики первобытнообщинной формации) [22]. Однако главной является линейная модель. Поэтому она часто заметна исследователям. За превалирование данной формы исторической динамики формацион-

ный подход преимущественно подвергается критике (А.Я. Гуревич, Л.И. Семенникова и др.). Подобная многовариантность использования моделей исторической динамики характерна также для цивилизационного подхода (как в целом, так и в современных версиях, например, у С. Хантингтона в теории столкновения цивилизаций), мир-системного анализа (И. Валлерстайн [23] и др.). Некоторые теории философии истории строятся на признании одной формы исторической динамики (Полибий, Вико и др.).

Третья проблема философии истории — поиск универсальной периодизации исторического процесса. Определившись с субъектом и доминирующей формой исторической динамики, создатели историсофских доктрин начинают разделять исторический процесс на отдельные отрезки. Это могут быть линейно сменяющие друг друга фазы становления «прогресса человеческого разума» (Кондорсе), формации, цивилизации, мир-системы, или циклически повторяющиеся «века» богов, героев, людей (Вико).

Четвертой является проблема смысла истории. Особенно актуальной она становится для историсофских концепций с обозначенной линейной динамикой развития. Здесь требуется указать конечный «пункт», куда стремится исторический процесс. И он в каждой «линейной» историсофской концепции различен. У Блаженного Августина и иных теологов — Царство Божье, у Маркса и Энгельса — коммунистическая формация (хотя они и не считали ее «концом» истории как таковой), у Ф. Фукуямы, К. Поппера — либеральное общество. В циклических теориях философии истории всегда известна фаза, в которую через какой-то период исторический процесс должен неизбежно «вернуться».

Пятая по значимости проблема — доказательство существования (отсутствия) законов истории. Указав ведущую силу исторического процесса, форму его протекания, дав периодизацию и цель движения истории, приходится выявлять некие общие моменты (связи), соединяющие его элементы, — законы, закономерности и т. д. В одних историсофских системах (у Гегеля, Маркса и др.) указанные параметры фиксируются прямо, даются их формулировки. В других законы формально отрицаются, но косвенно они (как менее строгие зависимости) все равно признаются. Так, О. Шпенглер в работе «Закат Европы» не раз критикует саму концепцию исторического закона, но полагает, что любая «великая культура» как стадия истории имеет три обязательных этапа становления. «Каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека. У каждой есть свое детство, возмужалость и старость» [24, с. 265]. Так что фактически если не закон, то некоторую закономерность Шпенглер вводит. Почти так же поступают мыслители, выводящие закономерность, что все

в истории «есть случайность». Иногда роль закона играют ценностные суждения, базирующиеся на экстраполяции. Напомним, что в работе «Нищета историцизма» Поппер объявил «веру в исторические законы» (проповедуемую марксизмом) «предрассудком». Зато когда философу понадобилось обосновать модель открытого общества, пролонгировать ее в будущее, он сделал это «хитрым» способом: заявил, что в настоящем открытые общества Запада с демократией и рыночной экономикой являются лучшим типом социальной организации на Земле (на фоне тоталитарных закрытых обществ) [25, с. 8]. Получается, что эти общества продолжают в данном качестве существовать и далее. Значит, формально, по Попперу, законов в истории нет, но фактически закономерность наличия и воспроизводства открытых обществ существует.

В целом любая историософская теория так или иначе касается проблемы наличия/отсутствия законов истории. Она либо вводит их прямо, либо допускает косвенно, без четких формулировок, как некие закономерности. Парадоксально, но тезис «в истории нет законов» тоже выступает некоей «устойчивой, повторяющейся связью явлений и вещей»!

Таким образом, проблемы движущих сил истории, поиска доминирующей формы исторической динамики, универсальной периодизации исторического процесса, смысла истории, доказательства существования (отсутствия) законов истории образуют своеобразную познавательную систему. Причем вопрос о движущих силах в истории среди них главный. Однако выбрав «своего» субъекта истории, мыслителю приходится разворачивать остальной проблемный ряд в определенном ракурсе. Показательно, что фактически каждая теория включает не одну, а несколько форм исторической динамики (линейную, циклическую, спиралевидную). Следует отметить, что на гносеологическом уровне попытки свести философию истории к какой-то одной проблеме полезны в плане уяснения ее места среди иных историософских вопросов, но в конкретном исследовании не имеют перспектив, ибо мыслителю придется неизбежно раскрывать остальной проблемный ряд, чтобы построить свою концепцию.

Давний для историософии вопрос о роли личности в истории занимает в вертикальном ряду ее проблем важное место, только если субъект признается движущей силой истории. В противном случае при построении историософских концепций этот вопрос либо вообще не поднимается, либо является вторичным, разрешаемым после проведения описанных выше познавательных операций.

Особняком от сформировавшегося «ядра» историософских проблем находится контрфактическое моделирование прошлого, т. е. анализ существовавших в истории альтернатив реализовавшемуся

на практике ходу вещей. Пока эта проблема однозначно не вписана в остальной проблемный ряд историософии, но претендует на свое место здесь, ибо разворачивает не только метафизическое (за которое ее не раз критиковали ранее), но и прагматическое начало в философии истории. Контрфактическое моделирование прошлого способно извлечь из минувшего полезную в интересах настоящего информацию, что в перспективе может сделать историософию прикладной дисциплиной.

Итак, современное проблемное поле философии истории обладает не только дифференциацией (что заметно и не «вооруженным» теорией глазом), но и единством. На горизонтальном уровне оно выражается в межпроблемных связях, их взаимодействии, своеобразном «снятии» одной проблемой других. На вертикальном — в иерархии проблем (от проблемы движущих сил к вопросам о формах исторической динамики, универсальной периодизации исторического процесса, смысле истории, наличии или отсутствии у нее законов), задающих логику конкретного историософского исследования. Причем определение движущей силы истории выступает своеобразной исходной «клеткой» историософского исследования, задающей последующие шаги. В качестве перспективы анализа укажем на необходимость поиска дальнейших связей проблем философии истории на горизонтальном уровне. На вертикальном предстоит работа по включению сюда проблемы контрфактического моделирования прошлого, иных теоретически важных вопросов, которые могут либо возникнуть в самой философии истории, либо быть «заброшены» из иных областей знания. Например, вопрос о поиске в историческом процессе «точек бифуркации» на базе усовершенствованной для гуманитарного знания методологии синергетики [26], создания модели идеального правителя будущего [27] и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Черногорцева Г.В. Человек в философском дискурсе: к истории идей. *Гуманитарный вестник*, 2015, вып. 9. DOI: 10.18698/2306-8477-2015-9-288
- [2] Блок М. *Апология истории, или Ремесло историка*. Москва, Наука, 1986, 256 с.
- [3] Фукидид. *История*. Москва, Ладомир, 1993, 543 с.
- [4] Кимелев А.Ю., сост. *Философия истории. Антология*. Москва, Аспект-Пресс, 1994, 351 с.
- [5] Гобозов И.А. *Введение в философию истории*. Москва, ТЕИС, 1993, 307 с.
- [6] Хвостов В.М. *Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории*. Москва, КомКнига, 2006, 392 с.
- [7] Рапопорт Ш. *Философия истории в ее главнейших течениях*. Москва, УРСС: ЛЕНАНД, 2015, 184 с.
- [8] Кареев Н.И. *Сущность исторического процесса и роль личности в истории*. Санкт-Петербург, Типография Стасюлевича, 1914, 575 с.

- [9] Розов Н.С. *Философия и теория истории. Кн. 1. Прелегомены*. Москва, Логос, 2002, 656 с.
- [10] Панарин А.С., ред. *Философия истории. Учебное пособие*. Москва, Гардарики, 2001, 432 с.
- [11] Ковалев С.М., ред. *Диалектический и исторический материализм*. Москва, Политиздат, 1968, 392 с.
- [12] Гумплович Л. *Основы социологии*. Москва, ЛЕНАНД, 2017, 366 с.
- [13] Цицерон М.Т. *Философские трактаты*. Москва, Наука, 1985, 382 с.
- [14] Гречко П.К. *Концептуальные модели истории*. Москва, Логос, 1995, 144 с.
- [15] Нехамкин В.А. Модели роли личности в истории: достижения и пределы. *Социум и власть*, 2018, № 2, с. 24–33.
- [16] Карлейль Т. *Теперь и прежде*. Москва, Республика, 1994, 415 с.
- [17] Анисимов Е.В. *История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты*. Санкт-Петербург, Питер, 2007, 588 с.
- [18] Латов Ю.В. Ретропрогнозирование как элемент национальной исторической ментальности. *Общественные науки и современность*, 2019, № 1, с. 99–114.
- [19] Нехамкин В.А. От альтернативной истории к контрфактическому моделированию. *Человек*, 2005, № 6, с. 56–61.
- [20] Нехамкин А.Н., Нехамкин В.А. Контрфактическое моделирование прошлого в обыденном познании: уроки для ученого. *Диалог со временем*, 2018, № 65, с. 336–352.
- [21] Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории. *Вопросы философии*, 1997, № 8, с. 112–122.
- [22] Комиссаров И.И., Нехамкин В.А. Модели в историческом познании: современное состояние, перспективы развития. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 2017, № 2, с. 22. URL: <https://history.jes.su/s207987840001779-5-1> (дата обращения 06.07.2021).
- [23] Валлерстайн И. *Мир-системный анализ. Введение*. Москва, УРСС: ЛЕНАНД, 2018, 304 с.
- [24] Шпенглер О. *Закат Европы. В 2 т. Т. 1*. Москва, Мысль, 1993, 663 с.
- [25] Поппер К. *Открытое общество и его враги. Т. 1*. Москва, Феникс, 1992, 448 с.
- [26] Нехамкин В.А. Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 2015, № 7, с. 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840001222-3-1> (дата обращения 07.07.2021).
- [27] Нехамкин А.Н. *Президент для будущей России. Проблема оптимального общественного выбора*. Брянск, Брянское областное полиграфическое объединение, 2008, 527 с.

Статья поступила в редакцию 08.07.2021

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Нехамкин В.А., Черногорцева Г.В. Философия истории и ее проблемное поле: в поисках единства. *Гуманитарный вестник*, 2021, вып. 4.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2021-4-728>

Нехамкин Валерий Аркадьевич — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: nechamkin@rambler.ru

Черногорцева Галина Владимировна — канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: irbiscotta@mail.ru

Philosophy of history and its problem field: in search of unity

© V.A. Nekhamkin, G.V. Chernogortseva

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper focuses on the philosophy of history, i.e. historiography, as an important section of philosophy, outlines the range of its problems, formed over a long period, characterizes each of the problems of historiography, and studies their differences. Within the research, we substantiated the thesis according to which the problems recorded in the philosophy of history have a certain unity, highlighted and considered the horizontal and vertical levels of problems in the philosophy of history. At the first level, there is a mutual influence of problems on each other. At the second level, a hierarchy of problems of historiography is built, which is manifested in each specific study. Findings of research show that the starting point for creating a concept in the philosophy of history is the question of the driving forces of the historical process. Having chosen one of the subjects of history as the main one, the thinker then creates a specific system of views on this basis. The rest of the historiographical problems here act as subordinates in relation to the indicated issue.

Keywords: *philosophy of history, historiography, problems of philosophy of history, unity of problems of historiography*

REFERENCES

- [1] Chernogortseva G.V. *Gumanitarny vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2015, no. 9. DOI: 10.18698/2306-8477-2015-9-288
- [2] Bloch M. *Apologie pour l'histoire ou Metier d'historien*. Armand Colin, 1997, 159 p. [In Russ.: Bloch M. *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 256 p.].
- [3] Thucydides. *Istoriya* [The History]. Moscow, Lodomir Publ., 1993, 543 p. (In Russ.).
- [4] Kimelev A.Yu. *Filosofiya istorii. Antologiya* [Philosophy of history. Anthology]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1994, 351 p.
- [5] Gobozov I.A. *Vvedenie v filosofiyu istorii* [Introduction to the philosophy of history]. Moscow, TEIS Publ., 1993, 307 p.
- [6] Hvostov V.M. *Teoriya istoricheskogo protsessa. Ocherki po filosofii i metodologii istorii* [The theory of the historical process. Essays on philosophy and methodology of history]. Moscow, KomKniga Publ., 2006, 392 p.
- [7] Rappoport Ch. *La Philosophie de l'histoire comme science de l'évolution*. Paris, M. Riviere, 1st ed., 1925 [In Russ.: Rappoport Ch. *Filosofiya istorii v ee glavnejshih techeniyah*. Moscow, URSS, LENAND Publ., 2015, 184 p.].
- [8] Kareev N.I. *Suschnost istoricheskogo protsessa i rol lichnosti v istorii* [The essence of the historical process and the role of the individual in history]. St. Petersburg, Tipografiya Stasyulevicha Publ., 1914, 575 p.
- [9] Rozov N.S. *Filosofiya i teoriya istorii. Kn. 1. Prolegomeny* [Philosophy and theory of history. Book. 1. Prolegomena]. Moscow, Logos Publ., 2002, 656 p.
- [10] Panarin A.S., ed. *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. Moscow, Gardariki Publ., 2001, 432 p.
- [11] Kovalev S.M., ed. *Dialekticheskiy i istoricheskiy materializm* [Dialectical and historical materialism]. Moscow, Politizdat Publ., 1968, 392 p.

- [12] Gumpłowicz L. *Osnovy sotsiologii* [Foundations of Sociology]. Moscow, LENAND Publ., 2017, 366 p. (In Russ.).
- [13] Cicero M.T. *Filosofskie traktaty* [Philosophical treatises]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 382 p. (In Russ.).
- [14] Grechko P.K. *Kontseptualnye modeli istorii* [Conceptual models of history]. Moscow, Logos Publ., 1995, 144 p.
- [15] Nekhamkin V.A. *Sotsium i vlast — Society and Power*, 2018, no. 2 (70), pp. 24–33.
- [16] Carlyle Th. *Past and Present*. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017, 119 p. [In Russ.: Carlyle Th. *Teper i prezhdde*. Moscow, Respublika Publ., 1994, 415 p.].
- [17] Anisimov E.V. *Istoriya Rossii ot Ryurika do Putina. Lyudi. Sobytiya. Daty* [The history of Russia from Rurik to Putin. People. Events. Dates]. St. Petersburg, Pi-ter Publ., 2007, 588 p.
- [18] Latov Yu.V. *Obschestvennye nauki i sovremennost — Social Sciences and Contemporary World*, 2019, no. 1, pp. 99–114.
- [19] Nekhamkin V.A. *Chelovek (The Human Being)*, 2005, no. 6, pp. 56–61.
- [20] Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A. *Dialog so vremenem — Dialogue with time*, 2018, no. 65, pp. 336–352.
- [21] Bestuzhev-Lada I.V. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 1997, no. 8, pp. 112–122.
- [22] Komissarov I.I., Nekhamkin V.A. *Istoriya — History*, 2017, no. 2 (56), p. 22. Available at: <https://history.jes.su/s207987840001779-5-1> (accessed July 6, 2021).
- [23] Wallerstein I. *Mirosistemny analiz. Vvedenie* [World-systems approach. Introduction]. Moscow, URSS, LENAND Publ., 2018, 304 p. (In Russ.).
- [24] Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes*. C.H. Beck, 1998. [In Russ.: Spengler O. *Zakat Evropy*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Mysl Publ., 1993, 663 p.].
- [25] Popper K.R. *The Open Society and its Enemies*. Princeton University Press, new ed., 2012, 808 p. [In Russ.: Popper K.R. *Otkrytoe obschestvo i ego vragi*. Vol. 1. Moscow, Feniks Publ., 1992, 448 p.].
- [26] Nekhamkin V.A. *Istoriya — History*, 2015, no. 7 (40), p. 11. Available at: <https://history.jes.su/s207987840001222-3-1> (accessed July 7, 2021).
- [27] Nekhamkin A.N. *Prezident dlya buduschey Rossii. Problema optimalnogo obshchestvennogo vybora* [President for the future Russia. The problem of optimal public choice]. Bryansk, Bryanskoe oblastnoe poligraficheskoe obedinenie Publ., 2008, 527 p.

Nekhamkin V.A., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: nechamkin@rambler.ru

Chernogortseva G.V., Cand. Sc. (Philos.), Assoc. Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: irbiscotta@mail.ru